

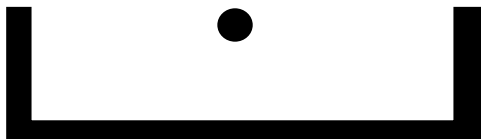
**ДЖЕК
КЕРУАК**

JACK
KEROUAC

**THE SUBTERRANEANS
PIC**

ДЖЕК
КЕРУАК

ПОДЗЕМНЫЕ
ЖИВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
К36

Серия «От битника до Паланика»

Jack Kerouac

THE SUBTERRANEANS

PIC

Перевод с английского *Максима Немцова*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *Василия Половцева*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK) Ltd.

Книга содержит нецензурную брань.

Керуак, Джек.

К36 Подземные : [роман]; Жив : [повесть] / Джек Керуак ;
[перевод с английского М. Немцова]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2023. — 224 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-152764-8

Джек Керуак (Жан-Луи Лебри де Керуак, 1922—1969) — писатель-эпоха, писатель-парадокс, посеявший ветер и не успевший толком узнать, что пожал бурю, не утихшую и в наши времена.

Два очень разных и равно талантливых произведения Джека Керуака. Небольшой и полностью автобиографичный роман «Подземные», по легенде, написанный всего за три дня, о страстной, болезненной любви-одержимости белого парня к чернокожей красавице, роман, наполненный рвущими душу голосами джаза, потоками алкоголя и иступленной, на износ и наотмашь, жизнью молодой богемы 50-х. И повесть «Жив» — трагикомическая сага, написанная от лица неунывающего мальчишки из южной глубинки.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-152764-8

© Estate of Jack Kerouac, 1958
© Перевод. М. Немцов, 2022
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2023

ПОДЗЕМНЫЕ

Когда-то я был молод и гораздо лучше разбирался в окружающем и мог с нервической разумностью говорить о чем угодно а также ясно и без этих вот литературных прелюдий; иными словами вот вам история несамоуверенного человека и в то же время эгоманьяка, естественно, игривость тут не годится — просто начать сначала и пускай истина себе просачивается, так и сделаю —. Началось теплой летней ночью — ах, она сидела на крыле с Жюльеном Александром который... давайте вообще начну с истории подземных Сан-Франциско...

Жюльен Александр — ангел подземных, а имя «подземные» придумал Адам Мурэд, а — он поэт и мой друг сказавший: «Они хиповы но не поверхностны, они разумны но не банальны, они интеллектуальны как черти и всё знают про Паунда без претензий или чрезмерной болтовни, они очень спокойны, они очень похожи на Христа». Сам Жюльен явно смахивает на Иисуса. Я шел по улице с Лэрри О'Харой, старым моим собутыльником по тем долгим взбалмошным и безумным периодам в Сан-Франциско когда я надирался и по сути выжувливал выпивку у друзей с регулярностью до того «добродушной» что всем просто в лом было ее замечать или объявлять во всеуслышанье что во мне развиваются или уже развились с юности этикие дурные шáровые наклонности хотя конечно всё они замечали но я им нравился и как сказал Сэм: «Все приходят к тебе заправиться парень, ну у тебя там и бензоколонка», — или что-то в том же духе — старина Лэрри О'Хара всегда со мною мил, чокнутый молодой предпри-

ниматель-ирландец из Сан-Франциско с прямо бальзаковской какой-то каморкой в глубине своей книжной лавки где покуривают чаёк и говорят о былых днях великого оркестра Бейси или былых днях великого Чу Берри — о котором больше чуть позже поскольку она и с ним тоже спуталась потому как неминуемо путалась со всеми ибо знала меня а я нервен и многоуровнев и ни в малейшей степени не однодушен — ни кусочка моей боли — или страдания — еще не проявилось — Ангелы, будьте ко мне снисходительны — я даже не смотрю на страницу а смотрю прямо перед собой на грустное мерцание стены в моей комнате и на радио-КРОУ-шоу Сары Вон Джерри Маллигана на столе в форме радиоприемника, иными словами они сидели на крыле машины перед баром «Черная Маска» на Монтгомери-стрит, Жюльен Александр Христоподобный небритый тощий моложавый спокойный странный про такого вы или Адам почти могли бы сказать апокалиптический ангел или святой подземных, совершенно явно звезда (теперь), и она, Марду Фокс, чье лицо — когда я впервые увидел его в баре у Данте за углом — навело меня на мысль: «Ей-Богу, я должен увлечься этой маленькой женщиной» а может еще и потому что она была негритянкой. К тому же у нее было такое же лицо как и у Риты Сэвидж подруги детства моей сестры, и о которой среди всего прочего я грезил средь бела дня — как она у меня между ног на коленях на полу туалета, а я на стульчаке, с ее особыми прохладными губами и по-индейски резкими высокими мягкими скулами — то же лицо, но темное, милое, с небольшими глазами честными блестящими и напряженными она, Марду склонялась что-то крайне убедительно говоря Россу Валленстайну (другу Жюльена) наклонившись над столом, глубоко — «Я должен ею увлечься» — я попытался стрельнуть в нее радостным взглядом сексуальным взглядом на который она так и не догадалась поднять голову или увидеть его — Надо объяснить, я только-только сошел с парохода

в Нью-Йорке, меня рассчитали до рейса на Кобэ Япония из-за лажи с буфетчиком и моей неспособности быть милосердным и поистине человечным и вообще обычным парнем выполняющим обязанности дневального в кают-компании (вы же теперь не можете не признать что я придерживаюсь фактов), что для меня типично, я относился к стармеху и другим офицерам с таким вежливым подобострастием, что чуть ли не в ноги им падал, это, в конце концов, разозлило их, они захотели от меня чего-то услышать, может чтоб я рывкнул поутру, ставя им кофе на столик а вместо этого молча на мягких подошвах я спешил выполнить малейшее их пожелание и ни разу не улыбнулся, а если и да, то гадко, эдак свысока, всё это из-за ангела одиночества сидевшего у меня на плече пока я спускался по теплой Монтгомери-стрит в тот вечер и увидел Марду на крыле вместе с Жюльеном, припомнив: «О вон девчонка которой мне надо увлечься, интересно ходит ли она с кем-нибудь из этих парней» — темно, на тусклой улице и не разглядишь — ее ноги в сандалетах-шлепанцах такого сексуально привлекательного величия что я захотел поцеловать ее, их — хоть и без малейшего понятия о чем бы то ни было.

Подземные теплой ночью тусовались у «Маски», Жюльен на крыле, Росс Валленстайн стоя, Роджер Белуа великий тенор-саксофонист боба, Уолт Фицпатрик который был сыном знаменитого режиссера и вырос в Голливуде посреди вечеринок у Греты Гарбо под утро когда пьяным вваливался Чаплин, еще несколько девчонок, Хэрриет бывшая жена Росса Валленстайна этакая блондинка с мягкими невыразительными чертами одетая в простое ситцевое платьишко почти что кухонный халатик домохозяйки но живот наполняет мягкая сладость когда смотришь на нее — поскольку следует сделать еще одно признание, а до скончания века мне предстоит еще и не одно — я грубо по-мужски сексуален и ничего не могу с собой поделатъ и обладаю распутными и так далее наклон-

ностями да и почти все мои читатели мужского пола без сомнения таковы — признание за признанием. Я кэнак*, я не мог говорить по-английски лет до 5 или 6, в 16 разговаривал с акцентом запинаясь и в школе был здоровенным заморышем хотя позднее и участвовал в универном баскетболе и если б не он никто бы не заметил что я могу справиться с окружающим миром (недосамоуверенность) и меня бы точно запихали в шизарню за то или иное отклонение —

Но теперь позвольте мне сказать сама Марду (трудно сделать настоящее признание и показать что произошло когда ты такой эгоманьяк что можешь лишь пускаться в огромные абзацы с незначительными подробностями про самого себя и со значительными душевными подробностями про других что сидят вокруг и ждут) — в общем, значит, там был еще Фриц Николас титулованный вожак подземных, которому я сказал (встретившись с ним в канун Нового года в шикарной квартирке на Ноб-Хилле сидючи по-турецки как пейотовый индеец на толстом ковре и чокнутая девчонка типа Айседоры Дункан с длинными голубыми волосами у него на плече курила коноплю и говорила о Паунде и пейоте) (тощий тоже Христообразный со взглядом фавна и молодой и серьезный как отец для всей компании, так скажем, вдруг его можно было увидеть в «Черной Маске» он сидел откинув голову узкие черные глаза наблюдали за всеми как бы во внезапном медленном изумлении и «Вот они мы малютки и что теперь дорогие мои», но был он еще и первосортным торчком, он хотел оттяга в любой форме в любое время и очень интенсивно) я ему сказал: «Ты знаешь эту девчонку, темненькую?» — «Марду?» — «Ее так зовут? С кем она ходит?» — «Как раз сейчас ни с кем в особенности, это в свое время была кровосмесительная компания», очень

* Канадец французского происхождения. — *Здесь и далее примеч. пер.*

странную вещь он мне сказал, пока мы шли к его старому битому «шеви» 36 года без заднего сиденья запаркованному через дорогу от бара с целью насшибать немного чаю чтоб нам быть всем вместе, как я и сказал Лэрри: «Чувак, давай до-станем чаю» — «А на фиг тебе все эти люди?» — «Я хочу вру-биться в них как в группу», произнеся это, к тому же, перед Николасом чтобы тот быть может оценил мою способность прочувствовать будучи в компании посторонним и все же непременно, и т.д., восприняв их ценность — факты, факты, милая философия давно уж покинула меня и соки прочих лет истекли — кровосмесительные — была еще одна оконча-тельно великая фигура в той компании которая однако этим летом тусовалась не здесь а в Париже, Джек Стин, очень интересный паренек лесли-хауардовского склада ходивший (как Марду мне потом изобразила) на манер венского фило-софа размахивая мягкими руками слегка боковыми потоками и длинными медленными текучими шагами, останавливаясь на углу в надменной мягкой позе — он тоже имел отношение к Марду как я узнал потом самым диковинным образом — но теперь он стал моей крошкой информации об этой девушке которой я СТРЕМИЛСЯ увлечься как будто и так не было печали или прочие застарелые романчики не преподали мне этого урока боли, продолжаю просить его, просить жизни...

Из бара выплескивались интересные люди, ночь произво-дила на меня великое впечатление, какой-то темный Марлон Брандо с прической как у Трумэна Капоте с прекрасной худю-щей мальчонкой или девчонкой в мальчишечьих брючках со звездами в глазах и бедрами казавшимися такими мягкими что когда она засовывала руки в карманы я видел разницу — и темные тонкие ножки в брючинах ниспадали к маленьким ступням, и что за лицо, и с ними парень с другой красивой куколкой, парня зовут Роб и он что-то вроде израильского солдата-авантюриста с британским выговором которого наверняка можно было бы застать в каком-нибудь баре на

Ривьере в 5 утра за выпиванием чего ни попадя в алфавитном порядке с кодлой забавных чокнутых друзей из международной тусовки в загуле — Лэрри О'Хара познакомил меня с Роджером Белуа (я не верил что этот молодой человек с заурядной физиономией стоявший передо мною был тем самым великим поэтом которому я поклонялся в юности, в своей юности, в моей юности, то есть в 1948-м, я продолжаю повторять свою юность). — «Это Роджер Белуа? — Я Беннетт Фицпатрик» (отец Уолта) отчего на лице Роджера Белуа возникла улыбка — Адам Мурэд к этому времени вынырнувший из ночи тоже стоял там и ночь готова была раскрыться...

И вот значит мы все и впрямь поехали к Лэрри и Жюльен сидел на полу перед развернутой газетой в которой был чай (низкокачественный лос-анджелесский но сойдет) и сворачивал, или «скручивал» как Джек Стин, ныне отсутствующий, сказал мне на предыдущий Новый год а то был мой первый контакт с подземными, он тогда спросил не свернуть ли мне косячок а я ответил в натуре очень холодно: «К чему? Я сам себе сворачиваю» и тотчас же тучка набежала на его чувствительное личико, и т.д., и он меня возненавидел — и поэтому ломил меня всю ночь когда только мог — однако теперь Жюльен был на полу, по-турецки, и сам скручивал для всей компании и все бубнили свои разговоры которые я разумеется повторять не стану, ну разве что типа вот такого: «Я смотрю на эту книгу Перспье — кто такой Перспье, его уже замесили?» и прочий треп, или же, слушая как Стэн Кентон говорит о музыке завтрашнего дня и мы слышим как вступает новый молодой тенор, Риччи Комучча, Роджер Белуа говорит, раздвигая выразительные тонкие лиловые губы: «И это — музыка завтрашнего дня?» а Лэрри О'Хара рассказывает свои лежащие анекдоты из обычного репертуара. В «шеви-36» по пути Жюльен, сидя рядом со мною на полу, протянул руку и сказал: «Меня зовут Жюльен Александр, во мне кое-что есть, я покорил Египет», а потом Марду протянула руку Адаму Мурэду

и представилась, сказав: «Марду Фокс», но и не подумала проделать так со мной отчего уже следовало насторожиться первым предчувствием того что грядет, поэтому пришлось самому протянуть ей руку и сказать: «Лео Перспье меня зовут» и пожать — ах, всегда ведь тянет к тем кто на самом деле тебя не хочет — на самом деле она хотела Адама Мурэда, ее только что холодно и подземно отверг Жюльен — ее интересовали худые аскетичные странные интеллектуалы Сан-Франциско и Беркли а вовсе не здоровущие бичи-параноики пароходов и железных дорог и романов и всей этой ненавистности которая мне самому во мне столь очевидна и другим поэтому тоже — хотя и поскольку на десять лет моложе меня не видя ни единого из моих достоинств которые все равно давно уже как утоплены годами наркоты и желания смерти, сдаться, бросить все и забыть все, умереть в темной звезде — это я протянул руку, не она — ах время!

Но пожирая глазами ее маленькие чары на переднем плане я лелеял только одну мысль: я должен погрузить все свое одинокое существо («Большой печальный одинокий человек», вот что она мне сказала как-то вечером уже потом, вдруг увидев меня в кресле) в теплую ванну и в спасение ее бедер — близости юных любовников в постели, улетев, лицом к лицу глаза в глаза грудь к груди обнаженные, орган к органу, колено к дрожащему колену покрытому гусиной кожей, обмениваясь экзистенциальным и любовные акты чтобы постараться и чтобы получилось — «получается» — это ее особое словечко, я вижу чуть выпирающие зубки под красными губами когда видно что «получается» — ключ к боли — она сидела в углу, у окна, она была «отделена» или «отстранённа» или «готова оторваться от этой компании» по своим собственным причинам. — В угол я и пошел, склонив голову вовсе не к ней а к стене и попробовал наладить безмолвную связь, затем тихие слова (как пристало вечеринке) и слова принятые на Северном Пляже: «Что ты

читаешь?» и впервые она открыла рот и заговорила со мной сообщая полную мысль и сердце мое не совсем оборвалось но удивилось стоило мне услышать смешные культурные интонации отчасти Пляжа, отчасти образца «Ай-Мэгнина», отчасти Беркли, отчасти негритянского высшего класса, нечто, смесь *langue* и такого стиля говорить и подбирать слова какого я никогда раньше не слышал если не считать некоторых редких девчонок конечно же белых и такого странного что даже Адам сразу заметил и заметил мне в ту ночь — но явно манера говорить нового боп-поколения, когда говоришь о себе не говоришь «я», а говоришь «йа» или «ё» и растянуто так, типа как в старину бывало, «женственная» такая манера произношения поэтому когда слышишь ее у мужчин звучит сначала противно а когда слышишь у женщин это очаровательно но слишком уж странно, и звук который я уже определенно и озадаченно услышал в голосах новых певцов боба вроде Джерри Уинтерз особенно с оркестром Кентона на пластинке «Да Папочка Да» и может быть у Джери Саузерн тоже — но сердце мое оборвалось поскольку Пляж всегда ненавидел меня, отторгал меня, недооценивал меня, срал на меня, с самого начала в 1943 году и дальше — ибо глядите, идя вниз по улице я какой-то громила а потом когда они узнают что я вовсе не громила а некий сумасшедший святой им это не нравится и более того они боятся что я вдруг все равно превращусь в громилу и вломлю им и что-нибудь сокрушу и я все равно чуть ли так и не делал а в отрочестве и подавно, как однажды я ошивался по Северному Пляжу со стэнфордской баскетбольной командой, в особенности с рыжим Редом Келли чья жена (недаром?) умерла в Редвуд-Сити в 1946-м, а за нами вся команда с боков братья Гарэтта, он пихнул скрипача педика в парадное а я впихнул другого, он своего замочил, я на своего вызверился, мне было 18, я был совсем щегол свеженький как маргаритка к тому же — теперь, видя это свое прошлое в оскале и в зверстве

и в ужасе и в биенье моей лобной гордости они не хотели иметь со мной ничего общего, и я поэтому конечно тоже знал что у Марду настоящее подлинное недоверие и нелюбовь ко мне и я сидел там «пытаясь (не чтоб получилось **ВООБЩЕ**) а получить ее» — нехиппово, нагло, улыбаясь, фальшиво истерично «принужденно» давя улыбу они это называют — я жаркий — они прохладные — на мне к тому же была весьма ядовитая совсем неподобающая у них на Пляже рубашка, купленная на Бродвее в Нью-Йорке когда я думал что буду рассекать вниз по трапу в Кобэ, дурацкая расписная гавайская распашонка с Кросби-стрит, которую по-мужски и тщеславно после первоначальных честных унижений своего обычного я (в самом деле) выкурив пару косяков я чувствовал себя принужденным расстегнуть на лишнюю пуговицу и тем показать свою загорелую волосатую грудь — что должно было ей быть отвратительно — в любом случае она и глазом не повела, и говорила мало и тихо — и сосредоточилась на Жюльене который сидел на корточках спиной к ней — а она слушала и мурлыкала смеясь в общем разговоре — в основном разговором заправляли О'Хара и громогласный Белуа и этот интеллигентный авантюрист Роб а я, слишком молчаливый, слушал, врубался, но в чайном тщеславии то и дело вставлял «совершенные» (как я думал) реплики которые были «слишком уж совершенны» но для Адама Мурэда знавшего меня — все время ясное свидетельство моего почтения и слушания и уважения фактически ко всей компании, а для них этот новый тип вставлявший свои реплики только чтобы показать собственную хипповость — все ужасно, неискупимо. — Хотя в самом начале, перед затяжками, которые передавались по кругу по-индейски, на меня явно снизошло что я могу сблизиться с Марду увлечься ею и заполучить ее в эту самую первую ночь, то есть сняться с нею одной хотя бы только на кофе но с затяжками заставлявшими меня молиться истово и в серьезнейшей потаенно-